

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УДК 330.8 (4/9)

Н.И. Гульбина**МОДЕЛЬ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТРАКТОВКЕ
РУССКИХ ЭКОНОМИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ**

В статье рассматривается отношение российских исследователей к основным гипотезам, лежащим в основе классической школы – моделям «экономического человека» и «невидимой руки». Автор делает попытку выяснить причины критики этих моделей русскими учеными во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: модель экономического человека, гипотезы классической школы, экономическая мысль России.

Известно, что базой классического либерализма является модель «экономического человека», исходящая из признания основным мотивом хозяйственной деятельности узкокорыстного интереса, стремления людей улучшить свое благосостояние. В своем просвещенном веке Адам Смит увидел возможность достижения естественного устройства общества, при котором человек сможет вести свои дела, не будучи связанным никакими ограничениями. По Смиту, в основе хозяйственной деятельности лежит внутренний порядок, обеспечивающий согласованность, гармонию между действиями отдельных лиц. Смит пишет о новом типе человека, живущем благодаря труду и обмену продуктов с другими производителями на самых выгодных условиях. Главный мотив деятельности такого человека – личный интерес, стремление к материальной выгоде, «одинаковое у всех людей постоянное и неисчезающее стремление улучшить свое положение». Вот одно из самых цитируемых утверждений А. Смита: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих интересов. Мы обращаемся не к гуманности их, а к эгоизму и всегда говорим им не о наших нуждах, но лишь об их выгодах» [1. С. 129].

Но преследовать свой интерес, полагал А. Смит, человек может, только оказывая услуги другим людям, предлагая в обмен или произведенные им продукты труда, или сам труд. Свободная игра хозяйственных интересов, являясь главной движущей силой хозяйственного развития, обеспечивает в конечном счете увеличение благосостояния как самого индивидуума, так и общества в целом. Забота о личной выгоде, считал А. Смит, естественно и необходимо побуждает человека избрать именно тот путь, который оказывается наиболее выгодным для общества.

Созданное Смитом представление о природе человека, модель «экономического человека» легла в основу не только его системы взглядов, но и всей классической школы. Первыми критиками классической школы были пред-

ставители исторической школы, возникшей в Германии в 40-х гг. XIX в. В работах В. Рошера, К. Кнуса и Б. Гильдебранда основным объектом критики стали космополитизм классиков, дедуктивный метод и основная посылка их логической системы – концепция «экономического человека». Позднее между представителями «молодой» исторической школы и маржиналистами возник методологический спор, в котором так или иначе участвовали и российские ученые.

С известной долей условности среди русских критиков модели «экономического человека» и «невидимой руки» можно выделить: во-первых, экономистов и историков экономической мысли, активно обсуждавших проблему метода экономической науки, и во-вторых, социологов, философов, публицистов, критикующих как классиков, так и маржиналистов за забвение нравственных начал хозяйственной деятельности. Русские экономисты не противопоставляли эмпирический «исторический» метод теоретической политической экономии, с их точки зрения важен как дедуктивный, так и индуктивный метод. Не случайно во многих работах по истории экономической мысли и экономической политике в конце XIX – начале XX столетия много внимания уделяется анализу мировоззрения и метода А. Смита. По мнению В.Ф. Левитского, главные открытия, которыми А. Смит обогатил науку, составляют результат дедуктивного метода, основанного на немногих общих посылках [2. С. 313]. По Смиуту, стремление к выгоде, к личной пользе – это, по словам Левитского, общий мотив, который руководит людьми в хозяйственной деятельности. Но, замечал автор, дедуктивный метод «...в умелых руках А. Смита» потому привел к успешным результатам, что он «...опирается на обширный запас предварительных наблюдений, относящихся к хозяйственному быту и к хозяйственной истории» [2. С. 316]. В крайностях этот автор, как и многие другие (А.И. Чупров, И.И. Иванюков), обвиняет последователей Смита, которые пользовались исключительно абстрактным методом. И.И. Иванюков подчеркивал, что значение эгоизма возвеличивается Смитом до высшего принципа в народном хозяйстве и частные индивидуальные интересы в его работах отождествляются с интересами общества. Пытаясь объяснить ход рассуждений Смита, И.И. Иванюков замечал, что в частнохозяйственной сфере, которую изучал А.Смит, «значительно упрощая исследование», люди руководствуются исключительно личным интересом. Следовательно, эгоизм можно считать единственным двигателем поступков в этой сфере. Но к объяснению народного хозяйства в целом, полагал русский исследователь, дедуктивный метод не приложим [3. С. 16].

В.В. Святловский и В.И. Яковенко обратили внимание на то, что альтруистические и эгоистические мотивы человеческой деятельности, по Смиуту, действуют изолированно в соответствующих областях. Так, В.В. Святловский полагал, что в трактовке А. Смита «в то время как человек обнаруживает максимум альтруистических чувств в области правовой, этической, богословской, – в области экономической он является исключительно эгоистом» [4. С. 248]. В.И. Яковенко в работе, посвященной А. Смиуту, рассуждает о его «чудовищно-грандиозном замысле» – дать специальную систему, охватить все стороны деятельности человека». Анализируя «Теорию нравственных

чувств» и «Исследование о природе и причинах богатства народов», В.И.Яковенко делает вывод, что в своих произведениях Смит смотрит на явления с двух противоположных точек зрения: «То он становится на точку зрения бескорыстия, исключает всякие другие мотивы деятельности... То он становится на точку зрения корысти, исключает всякие другие бескорыстные мотивы и показывает, каким образом человек, руководствуясь исключительно личной пользой, содействует общему благополучию» [5. С. 42].

Анализ работ известных экономистов и историков экономической мысли позволяет сделать вывод о том, что российские экономисты понимали, что модель «экономического человека» была той несущей конструкцией, тем «скелетом», который, по выражению французских экономистов Ш. Жида и Ш. Риста, «позволил науке ходить». Знали они и о том, что автор «Теории нравственных чувств» не считал личную заинтересованность достаточной для достижения общего благосостояния, обеспечения стабильности и процветания общества. Понимали, что введенное А. Смитом разграничение человека экономического и человека социального условно, что, выделив стремление к благосостоянию и склонность к обмену в качестве основных свойств человека, Смит тем самым поставил проблему мотивации к труду свободных, независимых производителей. Об этом свидетельствуют работы И.И. Иванюкова, В.В. Святловского, А.И. Чупрова, М.И. Туган-Барановского, И.В. Вернадского – авторов самых известных и оригинальных курсов по истории экономической мысли.

Так, анализируя «Богатство народов», И.И. Иванюков обозначил основную посылку работы А. Смита следующим образом: «Первый вопрос в этом исследовании – чем руководствуется человек, будучи совершенно свободен в своих хозяйственных действиях» [6. С. 22]. В.В. Святловский подчеркивал, что главными лозунгами классической школы являются свобода личности и самостоятельность. Здесь же он отмечал, что «...гармония достигается при помощи основного фактора хозяйственной деятельности отдельного индивидуума – эгоизма», подчеркнув тем самым, что речь идет о допущении относительно сущности человеческой природы, т.е. о своеобразной модели человека. В.И. Яковенко, характеризуя метод Смита, обратил внимание на основную гипотезу Смита, без которой все его исследование превратилось бы в простой набор фактов. Такой «посылкой», «обобщением», гипотезой, по мнению автора монографии о жизни и деятельности Смита, явилось утверждение, что «человек в своих материальных делах руководствуется выгодой, и что личная выгода есть самый надежный компас не только в личной, но и общественной жизни» [5. С. 54].

Много рассуждений по поводу допущений Смита можно найти в учебнике А.И. Чупрова «История политической экономии». Автор характеризовал модель «экономического человека» следующим образом: по Смицу, «...человек, предоставленный самому себе, как бы инстинктивно, в силу мотивов, вложенных в него природой, желает и умеет находить для себя на поприще экономической жизни самый верный и выгодный путь». И далее: «... тот образ действий, который диктует человеку его личная выгода, всегда совпадает и с истинными интересами общества» [7. С. 55–57]. И хотя

А.И. Чупров замечал, что перед нами «несколько мистическое представление о каком-то естественном, вне человеческой воли лежащем законе, который направляет действия отдельных лиц к благу целого...», и присоединился к критикам модели «экономического человека», заявляя, что хозяйственную деятельность людей нельзя объяснить одним стремлением к богатству и выгоде, стремление понять образ мысли Смита у него налицо.

И.В. Вернадский понимал, что, говоря о собственном интересе, А.Смит не имел в виду только эгоизм. По его мнению, «Смит, впрочем, не признает частного интереса вполне достаточным для решения вопросов общего благосостояния, он полагает, что иногда частный интерес не совпадает с интересом общим» [8. С. 139]. М.И. Туган-Барановский в очерке, посвященном А. Смиту, писал, что «вся его этическая система построена на признании эгоистических побуждений главными двигателями человеческого поведения» и что «человек у Смита существо корыстное и эгоистическое» [9. С. 22]. Пытаясь объяснить логику Смита, русский экономист заметил, что экономическая наука в момент своего формирования должна была решить чисто абстрактную проблему: в какие формы сложится игра человеческих интересов, если предоставить свободу этой игре.

Таким образом, мы видим, что, не принимая критических замечаний представителей исторической школы о нереалистичности аргументации, развиваемой на основе немногих предпосылок, и, считая дедуктивный метод основой теоретического анализа, отечественные исследователи полагали, что упрощенное представление о природе человека дали последователи Смита. Об этом писали почти все названные выше авторы. Так, В.И. Яковенко отмечал, что «А. Смит при помощи своей гипотезы сделал поистине великие открытия в области политической экономии. ... Ученые филистеры превратили эту гипотезу в злополучный символ веры буржуазного мирозерцания» [5. С. 54–55]. По мнению А.И. Чупрова, «признание личного эгоистического интереса исключительной пружиной человеческих действий, и свободы индивидуальной деятельности панацеей от всех зол, свойственное многим позднейшим последователям Смитовой школы, никак не может быть поставлено на счет ее основателя» [7. С. 125]. С таким выводом соглашался и Н.Х. Бунге, полагая, что в Англии последователи Смита сообщили науке отвлеченный, дедуктивный характер [10. С. 30]. К числу таких последователей Н.Х. Бунге относит Т. Мальтуса, Д. Рикардо, Дж. Мак-Куллоха, Н. Сениора. Автор большого труда по истории экономической мысли профессор политической экономии и статистики А.Н. Миклашевский, анализируя особенности метода классиков, обратил внимание на религиозно-нравственный утилитаризм А. Смита. Он, в частности, писал: «Вера в благодетельное руководство нашей жизнью со стороны Божества и убеждение в существовании внутреннего человека или, как выражается Смит, «беспристрастного зрителя», который вырастает в нас самих, реагирует на всякое наше действие, служит голосом нашей совести и любви ко всему благому» [11. С. 294]. Учение утилитаризма приобретает либерально-материальный характер в сочинениях Бентама, именно в его работах «нравственное, как постулат всякой разумной личности, как присущий человеку дар Божества исчезает бесследно» [11. С. 295].

В конце XIX – начале XX столетия многие российские ученые и публицисты критически отнеслись к модели «экономического человека» как абстрактной, дающей в силу этого искаженное представление о человеке и хозяйстве. С.Н. Булгаков, критикуя модель «экономического человека» как слишком упрощенную, заявлял, что политическая экономия должна иметь в виду не экономического индивида, а творческую личность, следовательно, учитывать важность духовных и нравственных мотивов в труде и влияние этих мотивов на экономическую жизнь и хозяйственное поведение человека. Известный философ Н.А. Бердяев замечал, что в хозяйственной жизни существуют два противоположных принципа: первый связан с преследованием личного интереса, способствующего хозяйственному развитию целого, а следовательно, приводящего к улучшению благосостояния общества, и второй – это принцип служения другим, обществу, итогом которого является развитие общественного благосостояния. Второй принцип, по мнению Н.А. Бердяева, больше соответствует христианству. «Экономический человек», полагал русский философ, человек преходящий. Вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека» [12. С. 409]. Н.Н. Михайловский отрицал именно абстрактный подход классической школы, выражающийся в признании жажды богатства единственным двигателем хозяйственной жизни. Возражение вызывала трактовка человека как субъекта, автоматически нацеленного на увеличение богатства, субъекта, для которого материальное благосостояние есть цель и главный мотив деятельности, а труд лишь тягостное усилие. Главным недостатком либеральных представлений о природе экономической системы и роли человека в ней, по мнению отечественных исследователей, является абстрагирование и недооценка этических и нравственных факторов.

На наш взгляд, можно выделить несколько причин критического отношения к предложенному классиками образу человека. Русские критики модели «экономического человека» обращали внимание на отсутствие основных признаков такого человека в России: свободы и независимости. В условиях существования остатков крепостного права, общинного землепользования, отсутствия правовых основ свободы личности, в частности конституционно оформленного права собственности на землю, такая абстракция действительно признавалась нежизнеспособной.

Серьезную роль сыграло и наличие своеобразной трудовой этики, обусловленной как геополитическими, так и историческими причинами. Несомненно, сказалось влияние исторической школы. Ее представители, критикуя абстрактные представления классиков, в том числе и представление о природе человека, считали невозможным изучать экономические явления в отрыве от правовых, моральных, этических аспектов. Делая акцент на изучении не человека как изолированного самостоятельного существа, преследующего собственные интересы, а народного хозяйства как единого целого, объединенного государством, немецкие авторы отрицали эгоизм в качестве основного фактора хозяйственной деятельности. В центре исследований у большинства российских авторов также оказалось народное хозяйство как сложнейший национальный организм, как переплетение технических, экономиче-

ских, нравственных и прочих факторов, т.е. преобладал национально-государственный подход к экономическим явлениям. По мнению В.Я. Железнова, экономическая жизнь не представляет механической массы индивидуумов. Это организм, в котором переплетаются явления права, хозяйства, нравственности, культуры. Один из последователей исторической школы, С.Ю. Витте, критикуя классическую школу, ее важнейшими недостатками считал ««безжизненный материализм, который видит всюду только меновые ценности, не принимая во внимание ни нравственных, ни политических интересов настоящего и будущего, ни производительных сил нации», и «разрушительный индивидуализм...» [13. С. 83].

Не менее категоричен был и И.И. Янжул, разделявший идею государственного социализма. В статье «Вопрос о государственном вмешательстве в область промышленности» известный русский экономист замечал, что исходный пункт А. Смита – отождествление индивидуальных интересов с общественными – «представляет собой положение слабое». Давая свою интерпретацию роли государства в экономике, И.И. Янжул писал: «Главная цель государства и всего человеческого общежития – высшее благо, высшее счастье наибольшего числа людей, и нет такого обычая, такого права, которое государство не должно бы было нарушить и уничтожить, если это вызывается требованиями общего блага» [14. С. 367]. Немецкий экономист Й. Цвайнерт, автор фундаментального труда по истории экономической мысли в России XIX в., пишет о холистически-антропоцентрическом общественном идеале для организации социальной и экономической жизни в России [15. С. 361]. По его мнению, западные экономисты исходили из того, что экономика была и будет совершенно самостоятельной системой, а российские мыслители выступали против изолированного рассмотрения хозяйственной сферы, понимали экономику как неотъемлемую часть общества и государства.

Подчеркивая, что обогащение, жажда наживы не могут являться стимулом хозяйствования, отечественные экономисты много внимания уделяли анализу нравственных основ экономического развития России. Этическими мотивами пронизаны учебники по политической экономии, опубликованные А.И. Горловым, А.А. Бутовским, И.К. Бабстом, А.И. Чупровым, В.Я. Железновым. А. Бутовский в учебнике, изданном в 1848 г., в частности, писал: «Во всех промыслах люди извлекают тем больше из своих производительных средств, чем тверже придерживаются правил нравоучения» [16. С. 255], «Обращение капиталов затрудняется там, где дух предпринимательства заражен шарлатанством» [16. С. 257]. Во второй половине XIX столетия В. Соловьев указывает на «ложное и безнравственное обособление экономической области отношений как независимой будто от нравственных условий человеческой деятельности вообще» [17. С. 70]. Известный русский экономист И.И. Янжул в статье «Экономическое значение честности. Забытый фактор производства» особо подчеркивает: «Но ни одна из добродетелей, создающих наибольшее богатство в стране, не имеет такого значения, как честность. Без доверия, которое на ней покоится, не может развиваться ни промышленность, ни торговля» [14. С. 406]. При этом честность, по Янжулу, предполагает: 1) честность как ис-

полнение обещания; 2) как уважение чужой собственности; 3) как уважение к чужим правам и 4) как уважение к существующим законам и нравственным правилам. Доверие рассматривается российским экономистом не только как параметр культуры, но и как результат совершенствования общественных институтов, в частности правовой системы.

Проблему доверия и гарантии прав собственности поднимал в своих трудах и И.К. Бабст. Несомненный интерес представляет указание И.К. Бабста на капитал нравственный, заключенный в народной честности, народной предприимчивости и степени трудолюбия. Очень актуально звучит в наши дни следующее его замечание: «Никакие поощрения, никакие правительственные меры не в состоянии вызвать в народе эти два необходимые для его благосостояния качества (честность и народная нравственность), ежели только народная собственность не обеспечена, ежели у народа нет возможности дать полного развития всем своим промышленным силам, ежели его деятельность стеснена на каждом шагу вмешательством в его промышленные дела» [18. С. 125]. Согласно позиции И.К. Бабста, если предпринимателям не гарантируется возможность пользоваться результатами своей деятельности, они будут меньше работать и меньше вкладывать в производство. «В беспокойные эпохи капиталы и деньги прячутся, – писал он. – Общее недоверие, отсутствие всякой безопасности удерживает от желания дать производительное употребление капиталам» [18. С. 124].

Важнейшей причиной критического отношения к концепции «экономического человека» следует считать своеобразие христианской этики, отрицательное отношение к «сребролюбию» и этос служения, делающий акцент на самоотверженности и самопожертвовании. Профессор Московской духовной академии Н.П. Гиляров-Платонов отразил его в следующей форме: «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение. Труд есть долг, а не средство своекорыстия. Верховный закон междулических отношений есть всеотдающая любовь, а не зависть. Люби ближнего своего как самого себя, вот в двух словах все начало должных общественных отношений – истинно христианских». По мысли профессора Венецианского университета А. Мозойро, «хотя этос служения мог принимать весьма различные интерпретации (долг интеллигента народу, служение бюрократа императору, обязательства дворянина перед местной знатью), он играл очень важную роль в русской культуре середины прошлого столетия» [19. С. 98].

Наиболее ощутимо влияние религиозного фактора в работах С.Н. Булгакова, где русский философ и экономист рассматривает человека как творческую личность. Признав связь между хозяйственной деятельностью и творчеством, он обращает внимание на важность многих нравственных мотивов: честность, доверие, служение. По мнению С.Н. Булгакова, хозяйственная деятельность может быть общественным служением и исполнением нравственного долга, дисциплиной послушания. Человек может руководствоваться не своим личным интересом, духовным или материальным, но совестью, велением долга. Как было показано выше, большинство российских ученых-экономистов, признавая абстрактность модели «экономического человека», считали допустимым использование упрощенного представления о природе

человека, позволившего создать стройную систему взглядов – классическую школу.

Литература

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1993.
2. Левитский В.Ф. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков, 1914.
3. Иванюков И. Синтез учений об экономической политике. Б. м. и г.
4. Святловский В.В. Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России. СПб., 1913.
5. Яковенко В.И. Адам Смит. Его жизнь и научная деятельность. СПб., 1894.
6. Иванюков И.И. Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени. СПб., 1904.
7. Чупров А.И. История политической экономии. М., 1908.
8. Вернадский И.В. Очерк истории политической экономии. СПб., 1858.
9. Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб., 1905.
10. Бунге Н.Х. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895.
11. Миклашевский А.Н. История политической экономии (Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX века). Юрьев, 1909.
12. Бердяев Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997.
13. Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // Собр. сочинений и документальных материалов. М., 2004. Т. 1, кн. 2.
14. Янжул И.И. Избранные труды. М.: Наука, 2005.
15. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России (1805–1905). М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
16. Бутовский А. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. СПб., 1847. Т. 1.
17. Соловьев В. Сочинения: В 2 т. М., 1988.
18. Бабст И.К. Избранные труды. М.: Наука, 1999.
19. Мозойро А. Частное предпринимательство и общественное служение в русской экономической мысли второй половины XIX века // Вопросы экономики. 1994. № 7.